

**ЛЮБОВЬ
ВНЕЗЕМНАЯ**

ДИАНА ХАНТ

СЕРДЦЕ ВОЛКА

Лирей

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х19

Серийное оформление — *Яна Паламарчук*

Иллюстрация на обложке — *Дарья Родионова*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Хант, Диана.

Х19 Лирей. Сердце волка : [роман] / Диана Хант. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 320 с. — (Любовь внеземная).

ISBN 978-5-17-120232-3

Хорошо, когда ты наследница герцогства. Плохо, если сестры хотят оставить тебя без гроша. Хорошо, когда у тебя есть возлюбленный, рядом с которым не страшны никакие интриги. Плохо, если за тобой охотится Зверь. Оборотень Заповедных земель, с которым ты связана словом и пугающим ритуалом. Где бы я ни находилась, он идет за мной по пятам... Похоже, у меня нет шанса избежать этой встречи...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-120232-3

© Д. Хант, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЛЕДИ НЬЮЭЙГРИН

ГЛАВА 1

Я оперлась локтями о каменный подоконник, свесила голову, вглядываясь во двор замка. Пусто и тихо. Долгожданная весна ударила в лицо запахами свежих почек и прелой травы, а порыв теплого ветра растрепал волосы. Огненные пряди закрыли глаза, заструились по серому камню рыжим водопадом.

В моей «темнице» три окна высотой в два моих роста, и все распахнуты настежь. Я так сильно ждала весну, чтобы распахнуть их, но вот она пришла и оказалась пыткой. Лучше вовсе не видеть этой молодой поросли за воротами замка, шахматной доски полей, над которыми поднимается пар, изумрудных макушек деревьев.

Где-то за углом по-весеннему заржала лошадь, и, узнав голос Леди, я перевесилась через подоконник, пытаюсь увидеть покатующую крышу конюшни. Вдохнула упругий воздух с нотками гари и в сердцах обрушила ладонь на серый графит.

Стена поглотила удар, руку скрутило от боли до самого плеча, а в воздухе почему-то запахло грозой. Сзади что-то стукнуло, и я, распрямив спину и осторожно придерживая ушибленную руку, обернулась.

Статная женщина с затянутыми в узел волосами, в темном строгом платье попыталась мне улыбнуться. Ее плотно сжатые, не привыкшие улыбаться губы воспротивились

этой попытке, и выражение лица у женщины стало, точно она жабу проглотила. Видимо, посчитав дань этикету выполненной, она поставила серебряный поднос на стол. Полусфера крышки над блюдом тревожно звякнула.

Камеристка старшей сестрицы вошла неслышно, явно надеясь застать меня за чем-нибудь эдаким, хотя что эдакого можно сделать в этом каменном мешке.

Я сдула прядь со лба, скрестила на груди руки и поинтересовалась:

— А где Мила?

Мне не ответили, с невозмутимым видом расстелили салфетку и водрузили на нее блюдо под круглой серебряной крышкой, кофейник и чашку.

— Где Мила? — повторила я.

Тишина.

Я сделала шаг навстречу, и камеристка споро отступила от стола, даже поднос не взяла.

— Я к тебе обращаюсь, — процедила я, подходя вдоль полукруглой стены к двери с другой стороны.

Камеристка поняла, что разговора не избежать, и, скрипнув зубами, ответила:

— Теперь мне поручено прислуживать вашей милости.

— Ты оглохла? — спросила я.

К проему в полу, под люком которого виднеются ступеньки лестницы, мы подошли почти одновременно, но я оказалась проворней, преградив камеристке путь к отступлению.

Щеки женщины вспыхнули. Она скривилась, словно укусила лимон.

— Мила больше не придет, — все же ответила она. Пожевала губами и добавила: — Ее перевели на кухню.

— На кухню? Мою камеристку?

Женщина вздохнула и отвела взгляд.

— Она наказана.

— Наказана? За что, интересно, наказана моя камеристка?

— Мисс Лирей, мне ее светлость не докладывает. Разрешите пройти, умоляю вас!

Я отступила, пропуская женщину.

Подошла к столу, сняла крышку с блюда. По широкому дну размазана клейкая масса с сиротливо плавающим в ней кусочком масла. Сглотнув слюну, водрузила крышку на место. В кофейник даже заглядывать нет смысла. Безвкусное пойло, гордо именуемое какао, надоело хуже той овсянки.

Значит, Мила наказана. И к гадалке не ходи — наказана из-за меня. За разговоры со мной. За то, что говорила со мной по паре минут, когда приносила еду. Больше со мной никто не говорил. Всю зиму.

Костяшки пальцев, которыми я упиралась в стол, побелели. Я до боли прикусила губу, зажмурилась, наклонив голову, а когда раскрыла глаза, взгляд упал на оставленный поднос. Начищенный до блеска, вытянутый, овальный, с ручками по бокам, посередине гордо сияет фамильный герб. Четырехлистник с каплей росы посередине, опоясанный лентой.

А они говорили, что ни следа, напоминающего об отце, не осталось.

Я схватила ни в чем не повинный поднос и с размаху запустила им в стену.

Раздался жалобный звон, и серебряный овал заскакал по полу, брэнча, пока не затих. Я подошла и опустилась рядом. Облокотившись о стену, уронила лицо в ладони и сидела так какое-то время.

Ну, дорогая сестрица, мало я отхлестала тебя по щекам!

Но ничего, не век будешь держать меня здесь!..

Подумала так и закусила губу. Виталина преспокойно держала меня в башне всю зиму, и никто не посмел ей возразить.

С исчезновением леди-матери старшая дочь по праву считается леди замка Ньюэйгрин, пока законная наследница не вступит в свои права. До совершеннолетия мне еще два года, но я умру раньше. От голода.

Глаза защипало, я потерла их и подняла поднос с пола. Приблизила прямо к лицу, вглядываясь в герб. До блеска начищенный поднос отразил мое лицо.

Бледная, нос заострился, и глаза под покрасневшими веками кажутся просто огромными. Непослушные огненные змейки обрамляют чуть впалые щеки. Осунулась за зиму на овсянке.

Опираясь о стену, встала, одернула платье и принялась ходить по привычному маршруту — вокруг узкой высокой кровати под балдахинном. Пятьдесят кругов в одну сторону, пятьдесят в другую. Ну, Виталина, дай только добраться до тебя! Каждый раз, проходя мимо окна, с усилием отводила взгляд. Смотреть на чистое голубое небо, ощущать, как по коже ползут теплые солнечные лучи, видеть щедрую весеннюю зелень, слышать запахи — невыносимо.

Но не выдержала, выглянула — и замерла как громом пораженная.

Ворота замка как раз покидает процессия.

Впереди едут сестры в нарядных охотничьих костюмах, перья на шляпах вздрагивают в такт шагам лошадей. Кто с ними, кроме слуг, не разглядеть. Слуги держат флаги, но ветра нет, не разобрать, что за гербы, но этого мне и не надо. Зеленый и голубой — цвета Альбето, серый с голубым — Эберлей. Пока наследница замка заперта в башне, ее сестричек ожидаемо обхаживают соседи.

Порыв ветра донес звуки разговора и смех. Никто не обернулся, не поднял голову, чтобы посмотреть на меня, словно Лирей Альбето, наследницы герцогства Ньюэй-грин, нет и не было никогда.

Я с силой обрушила ладонь на каменный подоконник, ойкнув от боли. Так я все руки отобью. В воздухе опять запахло грозой, а в глазах защипало, перед лицом словно возникла пелена, и когда она прошла, охотничья процессия уменьшилась до размеров темной мохнатой гусеницы, утыканной разноцветными флажками. Протрубил охотничий рог, и все стихло.

Я вернулась к столу. Со странным сочетанием голода и отвращения проглотила клейкую остывшую массу, поморщившись, запила безвкусной бурдой, вытерла салфеткой губы.

Ну нет, Виталина. Думаешь, заперла меня в башне и забыла? Как бы не так!

Быстро подошла к комоду и распахнула дверцы настержь. Бегло осмотрела содержимое, перевела взгляд в зеркало в кованой раме на стене, нахмурилась.

Нет, это платье для выдуманного покаяния не годится. Слишком обычное. Каяться — так с помпезностью, которую обожает Виталина. На всякий случай отгородила себя ширмой от люка, Мила бы постучалась, а эта вряд ли, и быстро сдернула светло-зеленое домашнее платье с круглым вырезом и рукавами до локтя.

Пальцы заскользили по нарядам, благо их немного. Ни одного любимого, из тех, что вместе с мамой выбирали. Но мне и не нужно. Вот! То, что лекарь прописал!

Унылое серое платье с белоснежным воротником-стойкой, белыми же манжетами, скрывающими кисти рук до пальцев, черным атласным поясом и черно-белой каймой по подолу. Ужас. Прямо Серость из Ньюэйгрин, но Виталине понравится. На мне.

Теперь надо как-то скоротать время, пока сестры заняты охотой: из разнообразия церковной литературы, благополучно покрытой слоем пыли, я выбрала самое скучное и занудное: жизнеописание святой Иулии Стратотерпицы, прародительницы Церкви.

Сдула с корешка пыль, водрузила книгу на подоконник, подвинула к нему же стул и осторожно, опасаясь помять платье, присела на краешек.

Та же камеристка — кажется, ее зовут Нэн — принесла обед и не удержалась, окинула изучающую святыне писания меня недоверчивым взглядом. Даже как будто замешкалась, словно ожидая, что я заговорю с ней или спрошу о чем-то. Но я даже головы в ее сторону не повернула, чинно перевернула страницу и бросила равнодушное:

— Благодарю, милочка.

Нэн как ветром сдуло.

Стоило люку захлопнуться, как я ошалело помотала головой — неужели эту церковную... хм, литературу кто-то читает? То-то церковники все такие высушенные воблы с выпученными глазами. Одного повествования, как святая Иулия преодолевала грех уныния путем истязания плоти, хватит, чтобы поседеть.

Единственное отдохновение — где Иулия ведет святых праведниц на дьявольское войско. Хотя над такими вещами не смеются, все-таки угроза нашествия оборотней в наших местах кажется не более чем сказкой, но ходят слухи, что границы удерживать все сложнее. Тут же и картинки. На первой святая Иулия бросает вызов самому дьяволу. Здесь святая чудо как хороша, гордый профиль, развевающиеся на ветру косы. Дьявол хищно щерит зубы в ответ на вызов.

Он изображается огромным черным волком.

На второй — дьявольское войско уничтожается святыми праведницами. На головах праведниц — шлемы из голов животных. Впереди войска — святая Иулия с головой рыси. Она разит врага направо и налево, ловко орудуя длинным мечом.

На третьей — Иулия разит черного зверя, то есть дьявола, замершего у ее ног, копьём в самое сердце. Язык зверя высунут, глаза горят адским пламенем. Даже на картинку смотреть страшно, даже не представляю, каково святой Иулии пришлось.

После обеда небо потемнело, и я злорадно потеряла ладони. Даже святая Иулия показалась чуть ли не подружкой. Сейчас как ливанет, и долго сестрицы на охоте не продержатся, а значит и мне недолго сидеть взаперти.

Небо сегодня явно на моей стороне. Задорно подмигнув парочкой молний, ударило громовыми раскатами, обруши-

вая на землю упругие ледяные потоки. Капли бойко застучали сразу по трем подоконникам. Я вскочила, побежала захлопывать ставни, а когда вернулась на место, увидела, как к воротам замка приближаются охотники.

Перья на шляпах сестер обвисли, вместо флагов на шестах болтаются унылые тряпки. Хоть с такой высоты лиц не видно, отлично представляю сморщенный покрасневший нос и вытянутые в линию губы на лице Виталины.

Подождав полчаса, я дернула шнурок у двери и, когда колокольчик отзвонил, крикнула:

— Эй, как тебя, Нэн!

Камеристка появилась практически мгновенно, точно караулила под дверью.

Присев в книксене, спросила:

— Что угодно мисс?

— Передай Виталине, что хочу видеть ее. Нет, не так. Передай, что нам нужно поговорить.

— Но...

— Быстро.

Нэн исчезла в люке, недоуменно вращая глазами, а я страхнула дождевые капли со страниц книги, как раз с фрагмента, где святая Иулия наставляет сестер Кикилии Непорочной, и принялась ждать. Посланница вскоре вернулась и попросила следовать за ней. И я последовала, хоть ноги то становились ватными, то грозили пуститься вприпрыжку. Я не видела своего замка слишком долго.

Покои Виталины оказались заново отделанными голубыми незабудками, под потолком порхали новые осветительные мотыльки. В воздухе витает аромат фиалок и ванили.

Сестра, раскрасневшаяся после купальни, восседает перед зеркалом, за ее спиной две девушки расчесывают тяжелые косы. С моим появлением Виталина не обернулась, хотя в зеркале отлично видно, как я вошла.

Микаэла, конечно, тут же обернулась в мою сторону. Ее лицо тронула робкая улыбка.

Мои сестры совсем не похожи на меня, точнее, я на них не похожа. Обе высокие, темноволосые, с прямыми, точно жердь проглотили, спинами и нежно-оливковой кожей.

Моя кожа не выносит солнца, а волосы огненные, кажется, поднеси свечку — вспыхнет.

У сестер — красиво вылепленные, объемные скулы и квадратные подбородки с ямочками, длинные носы с горбинками, мои же скулы острые, подбородок узкий, а нос маленький, задорно торчит вверх.

Сестры очень похожи на маминого первого мужа, графа Эрсийского, от мамы в них мало, разве что светло-голубые глаза, что в сочетании с темными волосами и смуглой кожей смотрится восхитительно. Я же унаследовала мамины рыжие волосы и белую кожу, чего Виталина не может мне простить уже шестнадцать лет.

Вот и сейчас длинный, с горбинкой, нос Виталины сморщился, точно она увидела гусеницу, а Микаэла, одарив меня улыбкой, тут же обернулась к старшей сестре — не заметила ли Виталина, что мне оказано больше чести, чем заслуживаю?

— Входи, Эя, — надменно сказала Виталина, хотя я и так уже вошла.

Нэн присела в глубоком книксене и, следуя взмаху руки Виталины, покинула покой.

— Подойди, сестра, — позвала Виталина, и я приблизилась к огромному круглому зеркалу в кованой раме. Теперь оно отражает не только Виталину и испуганные лица горничных, но и меня.

Виталина скривилась, и я поняла почему: непослушный рыжий локон выбился из строгой, зализанной назад прически и упал на мышастого цвета плечо.

— Рада видеть тебя, сестра, — сказала Виталина, попытавшись улыбнуться.

— Это взаимно, Виталина, — ответила я, не утруждая себя улыбкой. — Привет, Микаэла.

— Привет!

Микаэла сверкнула полоской зубов, из-за чего старшая окатила ее ледяным взглядом, и глаза Микаэлы тотчас потухли, словно в осветительных мотыльках иссякла магия.

— Нэн сказала, ты хочешь поговорить со мной? — спросила Виталина и взвизгнула: — Ай! Косорукая!

Горничная, что осторожно наматывала темный локон на нагретые нефритовые щипцы, ойкнула, побледнела, забормотала извинения.

Я подождала, пока сестра прекратит распекать девушку и снова воцарится тишина.

— Я хотела сказать, — сказала я и запнулась, но лишь на миг, тут же продолжив: — Я хотела сказать, что сожалею о наших разногласиях и хотела бы, чтобы все недопонимания остались в прошлом.

— Вот как?

Брови Виталины поползли вверх, а красиво очерченный рот изогнулся в победной усмешке.

— Я думала, ты пришла поговорить о Миле.

— А что с Милой? — спросила я невозмутимо.

— О том, что она наказана.

Я дернула уголком рта и пожала плечами.

— Тебе виднее, как распорядиться прислугой, — ответила я.

— Что ж, — сказала Виталина и окинула меня пристальным взглядом. — Если ты действительно все осознала, сидеть и думать над своим поведением больше не имеет смысла. Можешь занять место моей фрейлины. Будешь помогать укладывать мне волосы и следить за платьем. Эти дурехи ни на что не способны, — посетовала Виталина и виновато улыбнулась, как бы приглашая меня присоединиться к ее горю по поводу нерадивости горничных.

Я же открыла и закрыла рот, хлопая глазами.

Это что, предложение сделать меня старшей прислугой? Кажется, моя дорогая сестра перечитала сказок. Я несколько раз вдохнула и выдохнула.

— Фрейлиной, Виталина? — переспросила я. — Не знала, что графиням полагаются фрейлины. Еще и с титулом герцогини.

— Лирей, — прошептала Виталина, оборачиваясь, и мягко, но ощутимо взяла меня за руку. — Герцогиней ты станешь не раньше достижения совершеннолетия, когда выйдешь замуж. Таковы обычаи рода герцогов Альбето, и я здесь ни при чем. А ко мне сватается его светлость герцог Эберлей. Ты же знаешь, он претендент в очереди на корону, а значит, я смогу стать королевой, и тогда моей фрейлиной может быть даже герцогиня.

— Виталина, — хмуро перебила я сестру. — Герцог Эберлей никогда не станет королем, и ты прекрасно это знаешь. Претендент в очереди на корону он, кажется, девятнадцатый.

— Восемнадцатый, — холодно заметила Виталина. — И я не понимаю, почему ты споришь, Эя? Может, я ошиблась в тебе и ты не до конца осознала?

Я покосилась на Микаэлу, та опустила глаза. Бросила взгляд на горничных — их лица само бесстрашие.

Захотелось вlepить Виталине смачную затрещину, но, кажется, еще и весны в башне я не выдержу.

— Так что ты молчишь, Эя?

Изящные, словно вырезанные из двух длинных листочков, брови Виталины поползли вверх.

Я вспомнила, как одиноко было там, наверху, в компании изредка прилетающей пары голубей и церковных книг, и опустила голову. Кулаки сжала так сильно, что показалось, сейчас все услышат хруст моих пальцев.

— Ну-ка, Сейла, — сказала Виталина горничной. — Передай щипцы для завивки моей сестре.

Горничная присела, склонив голову, и протянула мне щипцы. Я сделала над собой усилие, чтобы не оттолкнуть ее руку. Выдохнула, принимая щипцы, и подцепила темную прядь Виталины, после чего принялась накручивать ее на нагретый зеленый стержень.

Виталина победно усмехнулась, послала Микаэле взгляд, мол, я же тебе говорила.

— Эя, — позвала Микаэла. — Ты слышала новости?

Мне на голову обрушился поток сплетен: о том, как графиня Ассамлер родила темного, с раскосыми глазками младенца, точь-в-точь королевский конюх, а желтое платье леди Оуберн, племянницы королевы, просто жуть как ее портит; о том, что, того и гляди, вспыхнет новой волной мода на эти ужасные парики, придется таскать дом на голове, а все потому, что тетя короля перебрала наливки и заснула возле камина, из-за чего лишилась львиной части своей шевелюры, и прочее, и прочее.

— Ах, Лирей, нам так тебя не хватало, — прощebetала Виталина, всовывая руки в рукава платья бордового бархата, подаваемого мной. — Правда, Микаэла?

Микаэла с готовностью закивала, помогая затянуть черную шнуровку. Круглый глубокий вырез спереди и треугольный сзади, из него торчат крылышки лопаток. Платье, бесспорно, очень идет Виталине, но зачем так наряжаться для семейного ужина?

— Но тебе непременно надо переодеться, — тоном, не терпящим возражений, сказала Виталина. — Это платье никуда не годится. К ужину приглашены герцог Эберлей с племянником, со своими сквайрами, и, конечно, будет тетя Сецилия с компаньонкой.

— Боюсь, мои платья не подойдут для столь высоких особ, — холодно сказала я.

Между прочим, года не прошло, как пропала мама, а сестры, оказывается, всю разъезжают по балам и принимают гостей!

— Брось, Эя!

Виталина как раз выбирала веер и шутливо хлопнула меня по руке распахнутым веером с павлиньим пером посредине.

— Теперь нет никакой необходимости возвращаться в башню. Твои покои ждут тебя. Надень то голубое, нет, пожалуй, синее бархатное платье. И эти волосы... надо что-то сделать с твоими волосами.

— А что с моими волосами?